

18+

А.А. Казаков

АГРЕССИЯ

Роман

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

А. А. Казаков

Агрессия. Роман

«Издательские решения»

Казаков А. А.

Агрессия. Роман / А. А. Казаков — «Издательские решения»,

Кристина обладала острым языком, татуировкой на шее и твёрдой уверенностью, что хуже её посёлка места нет. Она ошибалась. Поездка с семьёй на море увела её дальше, чем кто-либо мог представить — в Мир выжженного поля: страну мёртвых, где неугодных скармливают богу, а дорогу к выходу знает только незнакомец из её снов. Чтобы выбраться, ей придётся объединиться с обитателями этого мира и пройти путь, который обойдётся ей дороже жизни. Книга содержит нецензурную брань.

© Казаков А. А.

© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА	6
1	7
2	12
3	24
4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Агрессия Роман

А. А. Казаков

© А. А. Казаков, 2026

ISBN 978-5-0071-4217-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наташе Б.

«...настоящая смелость проявляется только тогда, когда тебе страшно, но ты продолжаешь действовать...»

Нил Гейман

«Коралина»

«То, чего двое не говорят друг другу, связывает их сильнее, чем откровенность...»

Чак Паланик

«Обреченные»

«...разум способен выдержать что угодно и приспособиться к чему угодно...»

Стивен Кинг

«Роза Марена»

«Наверное, это можно назвать принципом устрицы: я их не вижу, значит, и они меня не видят...»

Ричард Лаймон

«Странствующий цирк вампиров»

«Он привык, что каждый день какая-то часть его умирает...»

Хуан Рульфо

«Педро Парамо»

ОТ АВТОРА

Эта книга — плод авторского воображения. Все люди, места и события вымышлены и не имеют ничего общего с реальностью. Любые совпадения случайны и непреднамеренны.

Все натуралистичные описания сцен насилия следует считать необходимой атрибутикой жанра сплаттерпанк, в котором и написан этот роман.

Книга не рекомендуется к прочтению лицам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста.

Приятного чтения.

1

Кристина считала, что её старший брат Мукс придурок. Он переехал в город, где умудрился лишиться работы, друзей и уважения Кристины — словом, всё потерял, включая свою бывшую девушку, которая вообще-то ей нравилась, и теперь зарабатывал на жизнь тем, что ремонтировал чужой дом на курорте. Именно его новая работа и привела Кристину туда, где всё поменялось. На море. А оттуда — в Мир выжженного поля.

Она была уверена, что если бы не Мукс, то ничего не произошло бы. Не приехала бы на море, и тогда не потеряла бы свою Тень (именно так, с большой буквы) и точно не попала бы в этот кошмар.

Да, Мукс однозначно был кретином. Во всяком случае, так считала Кристина.

* * *

Мукс позвонил ей по видеосвязи. Загорелый, в одних джинсовых шортах, заляпанных краской, и с футболкой, намотанной на голову на манер банданы, он показал Кристине вид на море, что открывался с третьего этажа частного дома, который он ремонтировал.

— Впечатляет, правда? — спросил Мукс и улыбнулся так, как Кристина просила его никогда не улыбаться: широко и по-идиотски. — Будешь помогать мне штукатурить стены, класть плитку...

— Ага. Как же. Мечтай, — ответила Кристина, качаясь на качелях во дворе. Ржавые цепи скрипели, как колени старухи. — Если я и поеду, то буду целыми днями валяться на пляже и загорать.

— Что значит это твоё «если»?

— Я ещё не решила.

— Это не тебе решать, а родителям. Или ты думаешь, они оставят тебя одну дома на целый месяц? Тебе ещё в университет поступать вообще-то.

— А почему бы и нет? Я уже взрослая. Совершеннолетняя, ага. Или ты думаешь, я хочу смотреть на твою потную дурацкую морду каждый день?

Мукс отмахнулся от неё. Он сел на раскладушку, которую вынес на третий этаж, который был одновременно крышей дома и служил зоной отдыха (Кристина наблюдала по видеосвязи, как он тащил эту штуку по лестнице, пыхтя и потя, и как потом раскладывал её, едва не сломав на две части). Мукс вытянул волосатые ноги и вздохнул, кряхтя, что взбесило Кристину ещё сильнее.

— Ты мерзкий, тебе говорили?

— Не думаю, что дело во мне, — ответил Мукс, загадочно улыбаясь. — Скорее, дело в нём.

— О ком это ты?

— О твоём парне. Папа сказал, у тебя появился парень. Вот ты и злишься, что я зову вас. Отрываю тебя от него. Передай своему парню, что я соболезную ему.

— Да пошёл ты, — ответила Кристина и, осознавая, что краснеет, рассмеялась.

Да, она провела бы очередное скучное лето в Сухом Дне — сонном местечке на северо-востоке страны, жители которого, включая их с Муксом родителей, работали в службе исполнения наказаний. Плавала бы на карьерах, загорала, ожидая выпускного, чтобы потом свалить в университет (хотя втайне понятия не имела, кем хочет быть и на кого пойдёт учиться дальше, что вызывало массу споров с родителями, которых она называла про себя не иначе как «производители»). Главное, собрать вещи и уехать, думала она, оставив этот загибающийся посёлок с умирающей инфраструктурой позади.

— Родителям не нравится, что ты не знакомишь их с ним, — сказал Мукс, не наседая, а лишь констатируя факт. Он надел солнцезащитные очки. Теперь Кристина была вынуждена

смотреть на отражение его телефона в чёрных стёклах. — И они не позволят тебе остаться. Неа. Ни за что.

— Почему? Я ведь не наброшусь на него с кулаками, как ты на свою девушку. Или они думают, что девиантное поведение у нас в крови?

Слова произвели должный эффект: задели брата за живое. Он скривился, щёки покраснели. Он открыл рот, чтобы воспротивиться, но передумал и сбросил звонок. Добившись желаемого результата, Кристина поздравила себя с маленькой победой.

* * *

Как считали её производители, у неё было богатое воображение. Чего только стоила её единственная татуировка, которую она сделала в начале года. Слово «Агрессия» большими печатными буквами на шее. Мать чуть с ума не сошла, когда увидела это творение. «До такого ещё додуматься надо было», — сказала мать, глядя на неё, как на дуру, когда поменять что-либо было уже поздно.

Да, Кристина много чего представляла. В том числе то, как умирает — но не по-настоящему, так что через пару дней просыпается в гробу, выбирается из могилы под дождём (каким образом она смогла бы это сделать, Кристина не обдумывала) и шагает в школу, где среди ясного, солнечного дня распахивает дверь кабинета и вызывает своим видом инфаркт у учителя (какого именно она не решила и воображала каждый раз разного): одноклассники в таких мечтах падают со своих стульев при её появлении, а одноклассницы непременно завидуют тому, что даже после похорон Кристина выглядит лучше, чем они.

В этом году Кристина закончила одиннадцатый класс, и вместе с другой девочкой сдала экзамены досрочно. Сколько себя помнила, с учёбой проблем она не испытывала. Разве что, кроме одной: в школе ей всегда было скучно. Теперь, пока одноклассники тряслись и зубрили, готовясь к выпускным экзаменам, она предвкушала выпускной вечер, намеченный на июль. Лёгкость и абсолютное «наплевать на всё», вот как бы она описала своё состояние на этот момент.

Другая девочка, сдававшая экзамены вместе с Кристиной в районном центре, куда их отвозили на своей машине производители Кристины, уже уехала в город, расположенный за триста километров от Сухого Дна, чтобы поступить в университет на дизайнера ландшафтов. Когда Кристина узнала об этом, она не смогла сдержаться и прыснула от смеха, чем задела других одноклассниц.

— Дизайнеры ландшафтов никому не нужны, — сказала Кристина, хотя никто не спрашивал её мнения. Она обедала в школьной столовой с другими девочками. Дело было в один из последних учебных дней. — Это как поступать на геодезиста. Или юриста. Или...

— Да-да, мы поняли тебя, — ответила другая её одноклассница, с которой годом ранее Кристина подралась из-за того, что парень, нравившийся этой девочке, подарил на день святого Валентина открытку в форме сердца не ей, а Кристине. — Но у её отца есть друг в городе, владелец фирмы по ландшафтному дизайну. Когда она закончит, её трудоустроят на раз-два.

— Плевать где и кем. Как и наплевать на кого учиться, — сказала другая девочка, которая грызла на уроках карандаши и ручки, так что Кристина ещё в начальной школе перестала давать ей свои. — Главное, чтобы подальше отсюда.

— Выбраться из этой дыры раз и навсегда. Вот моя мечта, — ответила Кристина. — И я выберусь, уеду сразу после выпускного.

— Ты выбрала факультет? Уже подала документы для поступления в университет? — спросила всё та же девочка.

— Слушай, я не хочу сейчас об этом думать. Успею. У меня высокие баллы. Я пройду, куда захочу.

Девочки покивали для вида. Искренности, как и радости, на их лицах не было. Ну и плевать на вас, тупицы, подумала Кристина. Довольная, что экзамены остались позади, чему несказанно были рады её производители. Они переживали больше всех.

— А кем тогда быть? — спросила другая девочка, с которой мало чем делились, потому что её отец был директором школы; сейчас она была рада поучаствовать в разговоре. И все взгляды за столом снова обратились к Кристине, которая не дрогнула и продолжила рассуждать, параллельно уплетая обед.

— Ну, смотрите сами. Можно быть блогером. Или снимать вертикальные видео для других блогеров. Можно создавать девушек-моделей в нейросетях и вести от их лица соцсети, привлекая мужиков, у которых есть деньги...

— Фу, — ответила девочка, которой не доверяли свои канцелярские принадлежности. — Это мерзость.

— Если всё так просто, Кристин, почему ты сама этим не займёшься уже сейчас?

Девочки переглянулись. Этот вопрос задала та из них, с которой Кристина подралась. И хотя это была чистая провокация (Кристина именно так и считала), она ответила не задумываясь:

— Потому что для этого нужен стабильный интернет, глупая, а в Сухом Дне он такой же паршивый, как и всё остальное.

Так что когда мать сказала ей, что, как только начнутся летние каникулы, они втроём (мать, отец и дочь) поедут на курорт, отмечать окончание школы, Кристина поморщила носик. С одной стороны, терять ей было нечего. Близких друзей у неё не было. А лежать и мечтать о чём только вздумается она могла как здесь, так и там. Но что действительно останавливало Кристину от того, чтобы броситься собирать вещи уже сейчас, — это Мукс.

Ещё весной старший брат поехал ремонтировать загородный дом, расположенный недалеко от моря и принадлежавший одному богатому знакомому его друга. Но ремонт пошёл не по плану: Мукс рассорился с другом и теперь заканчивал дело один. Из-за этого работа затягивалась, и, чтобы её закончить, хозяин дома выделил ему дополнительный месяц.

— Целый месяц в большом трёхэтажном доме с видом на море, — рассказывала Кристина, хвастаясь подругам-одноклассницам в другой день. — Только я и море. А когда вернусь, сразу на выпускной. Разумеется, и платье там подберу. В Сухом Дне нормального не найти.

— Только ты и твои предки, — ответила другая девочка. Её чаще избегали, так как она не брила подмышки и от неё дурно пахло. Но сейчас, когда учёба заканчивалась, а тёплый воздух буквально искрил свободой, все ненадолго становились друзьями.

— Да, но хрен с ними, если честно. Они делают это, чтобы поощрить меня. Их слова, не мои. За то, что я закончила школу на отлично и уже сдала все экзамены. Так они говорят. Хотя они сами хотят туда съездить. Я лишь предлог. Так что они тащат меня с собой, да. Но меня больше волнует мой идиотский брат. Вот кто раздражает и бесит так, что хочется скинуть его с крыши.

— А что там с его девушкой? — спросила другая девочка, которая была отличницей и не давала никому списывать. Её тоже недолюбливали, но сейчас ей дали слово по той же причине, что и предыдущей. — Ты говорила, что твой брат абьюзил её, это правда?

— Эй! Я не говорила «абьюзил». Я сказала, он был к ней невежлив.

— А это не одно и то же?

— Нет. Мой... брат... не псих какой-нибудь.

— Ну, раз ты так говоришь, — сказала отличница. — Ладно.

* * *

Кристина не раз представляла, прокручивая в голове (особенно перед сном), как уезжает из Сухого Дна навсегда: машина увозит её прочь по разбитой дороге, а сама Кристина с улыбкой на лице даже не оборачивается, чтобы проститься с домом. Разумеется, в таких мечтах

производители Кристины стояли на пыльной дороге в обнимку и махали ей вслед, вытирая друг другу слёзы.

Прежде она не задумывалась, кто был бы за рулём этой машины. Но с тех пор, как она встретила блондина, одетого в длинный кожаный плащ, выцветшие чёрные джинсы и ободранные армейские ботинки, она представляла в этой роли только его и никого другого.

С приходом весны (а впервые она встретила его именно этой весной) Кристина начала чаще посещать Крысиный мост, который располагался на окраине Сухого Дна и вёл в густой хвойный лес, окружавший посёлок стеной. Там она впервые и встретила его: придя туда после уроков, чтобы посмотреть на бурно текущую воду в разлившейся реке. Кристина сидела на деревянных досках моста, свесив ноги. Она упёрлась головой в ржавые металлические перила и кидала в мутную воду камни, которые набрала по дороге сюда с обочины проезжей части.

Ушла в свои мысли, когда на её плечо упала рука. Кристина взвизгнула и, подскочив, больно ударилась головой о перила.

— Ай! — сказала она, потирая макушку рукой и морщась от боли.

— Прости, — ответил парень, одетый в кожаный плащ. — Не хотел напугать.

— Не хотел бы и не напугал бы. Какого хрена тебе надо? — всё это Кристина произнесла не глядя на него, а когда искры перед глазами перестали кружиться, обернулась на хриплый и низкий голос и добавила, удивлённая: — А ты кто вообще такой?

Кожа парня была бледной и туго обтягивала его точёные скулы. Он протянул ей руку и помог подняться. Потом поцеловал её руку, кланяясь, отчего Кристине пришлось оглядеться: не видит ли кто этого. Ей стало стыдно, но не за себя.

— Резник, — ответил парень. — Моё имя.

— Кристина. Не рада встрече, Резник. У меня чуть мозги из уха не потекли от такого удара.

— Это моя вина. Согласен.

— Вот-вот. Ты только приехал или как? Я не видела тебя раньше.

— Вроде того, — ответил Резник. Он заглянул Кристине в глаза и сказал: — Я здесь, чтобы предупредить тебя.

— Да? О чём это?

— У меня не так много времени, так что слушай. Песочница поглотит, песок выплюнет. Ты поняла меня? Песочница поглотит, песок...

Дыхание перехватило. Кристина шагнула назад, доски на мосту закрипели под её кожаными сандалиями.

— Что? Кто ты...

Но вместо ответа Резник приложил два пальца, сложенных вместе (указательный и средний), ко лбу Кристины и толкнул её: не сильно, но достаточно, чтобы она попятилась и упёрлась в перила. После чего перила треснули, а Кристина, размахивая руками, рухнула в воду с высоты пяти-шести метров.

Она проснулась от громкого шума, похожего на дребезг. Это на Крысиный мост со стороны леса заехал грузовик, наполовину гружённый брёвнами.

Никакого парня в кожаном плаще на мосту не было.

* * *

Да, Кристина виделась с ним лишь единожды и то во сне, и для других это было бы тревожным звоночком (поэтому она не стала говорить об этом родителям, и, разумеется, ни о каком знакомстве родителей с ним речи быть не могло). Но то, каким чувством наполнялась её грудь, когда она думала о нём, заставляло Кристину трепетать.

Если бы не тот мечтательный вид, который появился у неё после сна на Крысином мосту, производители бы и не подумали заподозрить, что у неё есть парень. Разумеется, нужно было

сразу сказать им, что никакого парня нет. Но мысль, что он есть, наполняла её тело приятным теплом, будто она опускалась в тёплую купель посреди морозной зимы.

Она и правда реже бывала дома, и этот парень был тому причиной. Всё потому, что Кристина неоднократно пыталась встретиться с Резником снова, сидя на Крысином мосту, приходя туда после школы и мечтая о нём.

Все попытки убедить производителей оставить её дома одну не увенчались успехом. Они и слушать не хотели.

Возможно, если бы она призналась в том, что соврала насчёт парня, то производители пересмотрели бы своё решение. Но для этого следовало сказать, что она уже месяц как поддерживала эту иллюзию. И объяснить им, почему она делала это, Кристина вряд ли смогла бы.

И вот за день до отъезда, лёжа на кровати в своей спальне, дверь в которую была закрыта, Кристина, которой на тот момент исполнилось полных восемнадцать лет, вслушивалась в шум мотоциклов за распахнутым настежь окном, вдыхала аромат высаженных в клумбах цветов и мечтала о том, какой будет её первая в жизни поездка на море.

Представляла, как впервые входит в воду. Как бежит босиком по горячему белому песку. Как знакомится с парнями, которые бросаются драться за неё только потому, что она красивая... Она прорисовывала сценарии у себя в голове и пыталась предугадать разные варианты развития событий, включая свои ответы и реакции на те или иные вопросы и ситуации.

В какой-то момент глаза её начали слипаться против её воли. И когда она открыла их в другой раз, то увидела Резника. Он сидел на подоконнике её спальни, лицом к улице и барабанил пальцами по стеклу.

— Что ты делаешь? — спросила Кристина, протирая глаза и натягивая тонкое одеяло до груди.

— Сторожу твой сон, — ответил Резник и пожал плечами.

— Боишься, что я ударюсь головой об стену?

— А ты можешь? — спросил Резник, улыбнувшись уголком рта.

— Я всё могу, — ответила она и отвернулась, понимая, что сказала глупость.

— Ты уезжаешь завтра?

— Мы едем на море. И это хреново.

— Да. Но не потому, что ты уезжаешь.

Кристина повернулась обратно. Нахмурилась и переспросила, что он имеет в виду.

Резник сказал, глядя на неё с заботой и сожалением одновременно:

— Помнишь, что я говорил? Песочница поглотит, песок выплюнет?

— Обычно я не забываю бредни выдуманных друзей.

— Это не бред. И я не выдуманный.

— Ясно. Уходи из моего сна, — сказала она, надеясь, что он останется.

— Просто держи эти слова в уме, — ответил Резник. — В ином случае: до встречи на той стороне.

Прежде чем она успела расспросить его, о чём идёт речь, зазвенел будильник. Кристина проспала шесть часов.

Эта поездка обещала ей многое. Но то, что ждало Кристину впереди, никак не могло прийти ей в голову.

2

Путь до дома, в котором работал Мукс, занял два с половиной дня на машине. Они ехали через всю страну на новенькой «Ладе Весте», которую родители Кристины купили в кредит в начале этого года. Первые триста километров тянулись как вечность. Разбитая асфальтированная дорога, ведущая от Сухого Дна до первого крупного города, заняла порядка восьми часов, так что уже в обед они съехали с трассы к реке, припарковались и, разложив еду, собранную матерью с собой, на капоте машины, прервались на перекус.

Сжимая в одной руке круассан с красной рыбой и авокадо (она сделала его сама, так как терпеть не могла те бутерброды с колбасой, что делала мать), Кристина спустилась к реке. Шагая по извилистой протоптанной тропинке, она смотрела под ноги из-под солнцезащитных очков, надеясь не споткнуться. Впрочем, произойди такое и покатись она кубарем вниз по холму, производители, по её мнению, вряд ли бы сильно переживали. Разумеется, они искали бы её ради приличия, но на этом бы, закончив, продолжили путь к морю.

Представляя, как они уезжают без неё, Кристина увлеклась и не заметила, как её ноги, обутые в кожаные сандалии, коснулись холодной воды.

Она вздрогнула, когда ступни стали проваливаться в ил и песок на дне. Но отходить не спешила: смотрела на мерно текущую широкую реку, уходящую вдаль.

На ум пришли слова Резника. О песочнице, о песке.

Кристина машинально отпрыгнула назад. Прочь из воды, подальше от песка и ила.

Мать окликнула её:

— Так и собираешься стоять там вечность? Едем, давай!

— Ах, вы ещё здесь? А я думала, что вы уже далеко отсюда. Без меня, — ответила она, выходя из реки и надкусывая круассан, который оказался твёрдым и не таким вкусным, как она полагала. Готовить Кристина не умела, так считали и Мукс, и отец.

— Не говори глупостей, — ответила мать, подгоняя её. — Если ты решила испортить всем отдых, то зря стараешься. Не получится.

— Что-то я накаталась. Может, обратно?

Она поймала себя на мысли, что и правда не хочет никуда ехать. Не имеет ни малейшего желания торчать в душной машине ещё двое суток, слушая разговоры родителей-производителей об их прошлом и возможном будущем. Хорошо, что у неё были наушники, чтобы можно было дремать под музыку, растянувшись на заднем сиденье, и думать о Резнике.

— Я не против, — сказал отец, докуривая сигарету и заводя двигатель машины. Он подмигнул Кристине так, чтобы мать не заметила. Она ответила ему вымученной улыбкой.

— Ты портишь всё веселье, — заявила мать. — Отряхни ноги, прежде чем садиться.

Кристина с хмурым видом и как можно громче постучала подошвами сандалий по земле, увитой корнями деревьев. Это не помогло. Грязь никуда не делась.

— Возьми полотенце для ног, оно в сумке в багажнике.

Проконтролировав, что отец с матерью сели в машину, Кристина открыла багажник, нашла в сумке махровое полотенце для ног, но, отложив его, достала из чемодана футболку матери и вытерла грязные ноги ей. Потом, убрав всё обратно, хлопнула крышкой багажника и забралась на заднее сиденье.

* * *

Следующие двое суток прошли примерно в том же духе. Разница была лишь в том, что они дважды останавливались в придорожных гостиницах, чтобы переночевать: снимали один номер на всех и оба раза с двумя отдельно стоящими односпальными кроватями. Их занимали Кристина и мать, отец спал на полу. Ванные комнаты в таких гостиницах выглядели так, будто в них мучили и убивали людей, а потом, даже не проветрив, сдавали новым постояльцам.

Её раздражало, как храпел и выпускал газы во сне отец. Её выводило из себя, как при-
чмокивала губами мать. Практически все разговоры родителей между собой она предпочла бы
пролистать, как титры в сериалах.

Но больше всего её злило то, что её родители были её производителями. Она предпочла
бы им другую пару: более современную и обеспеченную, которым не нужно было бы объяснять,
почему она предпочитает кожаные сандалии и джинсовые шорты платьям в цветочек. Почему
терпеть не может туфли и слушает преимущественно автотюновые треки рэперов (однажды
услышав один из треков, мать сказала ей, что с таким же успехом Кристина могла бы насла-
диться скрежетом пенопласта по стеклу). Эта неповоротливая, простая женщина, любившая
отечественные сериалы про полицейских и семейные драмы, предпочитавшая перекусывать
шоколадом перед сном, не могла быть её матерью (но была, с горечью отмечала про себя Кри-
стина).

И вот теперь они тряслись в одной машине, минуя зеленеющие луга и серые, сплошь
каменные города, искрящиеся под ливнем линии электропередач (удар молнии пришёлся в
столб, сказал отец многозначительным тоном) и ветряные мельницы, вспаханные поля, кото-
рые уходили в горизонт, и маленькие деревушки с покосившимися домиками. Единственное,
что запало в память Кристине за всё время поездки, — это закат, но она не запомнила, где
именно увидела эту картину: как вечернее небо окрасилось в малиновые цвета.

Мать настояла на том, чтобы они съехали на обочину и сфотографировались на фоне
такого (она назвала его красным) неба, пока дождь не пошёл снова.

Кристина сделала несколько фотографий родителей на мокрой после дождя дороге, когда
та была свободна от других машин.

— Теперь все вместе, прошу тебя, давай, — сказала мать, по-настоящему счастливая, и
впервые за всю поездку Кристина возненавидела себя, так как почувствовала, что несправед-
лива к ним. Они были её родителями, других у неё не было и быть не могло. И они старались,
как могли.

Кристина потупила взгляд. Возможно, решила она, дело в приближающихся месячных.
Гормональный фон Кристины всегда сбивался перед этим, отчего портилось настроение.

Недовольно выдохнув, Кристина воспротивилась (но скорее ради поддержания своего
имиджа и образа). Отец снова подмигнул ей, и тогда она достала раздвижной штатив из своего
рюкзачка, набитого разной ерундой (палетка для макияжа, тушь, зарядка, кейс от наушников,
протеиновые батончики, презервативы (закрытая упаковка), расчёска, электронная сигарета
(враг матери номер один), бижутерия и две маленькие коробочки с соком). Установила штатив
возле капота машины, закрепила на нём свой телефон и подошла к родителям. Она сделала
фото, управляя камерой телефона со своих смарт-часов.

Тронувшись в путь, Кристина посмотрела на получившееся фото. Она стоит недоволь-
ная с оголёнными загорелыми плечами, тёмно-русые волосы прикрывают лицо. Татуировка
на шее с надписью «Агрессия» наводит на мысль, что если бы её мать умела обрабатывать
фотографии, то непременно заретушировала бы это слово. Мать обнимает её с одной стороны,
одетая в голубой сарафан, улыбается, словно пытается победить в конкурсе всех улыбок мира.
Отец, лысеющий и невысокий, обнимает Кристину с другой стороны и держит правую руку
на поясе брюк, рубашка без рукавов на нём чуть выбилась из-под ремня. На заднем фоне кра-
суется необъятное огненное небо: густые облака, кажется, вот-вот лопнут. Присмотревшись,
Кристина замечает, что одно из облаков похоже на сморщенное, почти старческое лицо: рот
открыт в немом вопрошающем крике.

Глядя в окно из несущейся по заасфальтированной дороге «Лады Весты», Кристина при-
жалась лбом к стеклу и размечталась о том, как всё изменится в её жизни: она не знала, как
именно и каким конкретно образом, но знала, что это неизбежно, как день и ночь.

Если бы она знала, что это конкретное фото станет их последним семейным снимком, она наверняка предпочла бы реальность вымыслу. И уделила своим производителям больше времени.

* * *

Мукс не обманул их. Дом, который он ремонтировал, был большим и просторным, с прямой крышей и зоной отдыха под открытым небом. Там по уму следовало установить шезлонги, думала Кристина, чтобы загорать, не выходя из дома. Но проблема была в том, что дом не был пригоден для жизни. Ни одной оборудованной комнаты, ни одного спального места, кроме той раскладушки, которую она уже видела, разговаривая с братом по видеосвязи. Строительный мусор, упакованный в мешки, занимал большую часть первого этажа: чтобы вывезти его, думала Кристина, потребовался бы не один самосвал. На улице стояла упакованная в блоки брусчатка на деревянных поддонах. Вырытый бассейн на заднем дворе оказался пустым, лишённым воды. Дорожка, ведущая к дому от кованых ворот, состояла из гладко выровненной подушки песка, которую им пришлось обходить стороной.

— И на хрена было звать нас, если ты даже не подготовил нам спальные места, тупица? — спросила Кристина, стоя с чемоданом в руке на первом этаже посреди этого бедлама. — Ты издеваешься что ли?

— Всё будет, — ответил Мукс, ухмыляясь. — Надо только съездить в магазин охоты и рыболовства, он рядом. Там есть...

— Что? Палатка? Предлагаешь разбить посреди дома походную палатку?

— Я хотел сказать, раскладушки. Как у меня.

— Я не буду спать на какой-то раскладушке, как ты, — ответила Кристина, чувствуя себя преданной. Она посмотрела на отца, который как раз заканчивал перетаскивать вещи из машины. — Пап? Это нормально вообще?

— У нас есть надувной матрас. Можешь спать на нём.

Кристина всплеснула руками.

Мукс направился к ней, разводя руки в стороны, собираясь обнять сестру, но Кристина бросила чемодан на пол, покрытый заляпанной, неотмытой плиткой, и выставила руки вперёд в останавливающем жесте.

— Даже не думай трогать меня! Ты грязный, как бомж.

— Кристина! — сказала мать, сверля её взглядом. — Обними брата. Не ерепенься.

Ещё одно просторечное слово матери, которое Кристина терпеть не могла.

— Ни за какие деньги, — ответила она, но Мукс бросился к ней.

Смеясь, он схватил сестру и закружил её по комнате. Мать и отец переглянулись, улыбаясь. Кристина завизжала, требуя отпустить её немедленно. Когда Мукс остановился, Кристина посмотрела на свою одежду: та была в белилах.

— Здесь душ хотя бы есть или я должна буду вонять как ты?

— На втором этаже, — ответил Мукс. Он улыбнулся во весь рот. — С приездом на море, семья!

В этот момент Кристине больше всего хотелось одного: стукнуть старшего брата и побольнее.

* * *

Жара стояла невыносимая. Кристина сходила в душ, а когда закончила, то, выйдя в коридор, увидела через большое арочное окно в конце этажа, как отец с Муксом уезжают на машине родителей. Спустившись на первый этаж, спросила у матери:

— Куда это они?

— За раскладушками. Или спальными мешками. Что найдут.

— А где мой... матрас?

— Папа оставил его на втором этаже. Есть хочешь?

— Нет.

Говоря всё это, мать не смотрела на неё. Разбирала вещи, точнее, так это выглядело. На самом же деле она стояла перед раскрытым чемоданом с одеждой в руках, видимо, соображая, где в этом доме хоть одно чистое, не загаженное стройкой пространство, чтобы можно было разложить там всё то, что они привезли с собой. Кристина стала гадать, нашла ли мать ту грязную футболку, которой она вытирала ноги. Хотелось бы увидеть её лицо, когда она сообразит, что к чему.

— Это что ещё такое?

Кристина, которая уже направлялась обратно, стояла на витиеватой лестнице, ведущей на второй этаж, держась одной рукой за перила. На ней был открытый купальник тёмно-коричневого цвета.

— Что опять не так? — переспросила Кристина, закатывая глаза.

— Ничего. Я просто не помню, чтобы покупала тебе такое.

— Ты и не покупала. Папа дал мне деньги, и я заказала на маркетплейсе.

— А со мной посоветоваться? — спросила мать. — Ты для своего парня этого купила? Сколько ему лет вообще?

Ах, речь об этом, подумала Кристина. И, потупив взгляд, машинально поправила волосы: не смогла сдержать смущения.

— Возможно, — ответила Кристина, поддерживая иллюзию того, что у неё есть парень.

Во-первых, ей всё больше нравилось, что другие думали, будто парень у неё и правда есть. Словно наличие парня априори выделяло её среди других и добавляло ей взрослости. А во-вторых, Кристине нравилось изводить свою мать, делать то, что та никак от неё не ожидала. Она и татуировку сделала отчасти, чтобы посмотреть на реакцию матери.

Но в глубине души Кристина хотела, чтобы у неё был парень, как это было у её одноклассниц. Чтобы она могла проводить с ним время, чтобы у неё был кто-то, с кем она могла бы поделиться своими тревогами. Кто держал бы её за руку и говорил всякие глупости на ухо. Кто был бы рядом и понимал, не осуждая: как не могут производители. Но все парни, с которыми она общалась, казались ей предсказуемыми и не могли её заинтересовать.

Кристина поспешила наверх, подгоняемая криками матери: та требовала вернуться и объяснить, что это за парень и в каких они находятся отношениях.

* * *

На втором этаже располагались три пустые спальни.

В той, что была ближе всех к лестнице, стоял её чемодан и коробка с надувным матрасом. Осмотрев комнату, она решила, что та не подходит ей. Забрала вещи и перешла в ту, что была в углу дома: два окна, высокие потолки. Солнечный свет освещал голое помещение. Появилась мысль, что при таком освещении её тело вообще-то должно было отбрасывать гигантскую тень на белую стену, но по комнате гуляли только тени от её чемодана и коробки с матрасом. Толкнула ногой сначала коробку, а затем и чемодан: тени от них, ложившиеся на стену, сместились.

Решив, что, возможно, чего-то не понимает, выбросила это из головы.

— Ну и дыра, — сказала Кристина, обращаясь к самой себе. И принялась распаковывать коробку с матрасом, а затем и надувать его с помощью насоса.

Время близилось к вечеру, и к тому времени, когда она закончила, солнце за окном начало садиться. Это её огорчило, так как она собиралась пойти на пляж, располагавшийся, со слов Мукса, в нескольких километрах от дома.

Вернулись отец с Муксом. Привезли раскладушки и, бросив их на первом этаже, отправились наверх. Они смеялись и никак не могли наговориться друг с другом.

Кристина лежала на жёстком матрасе, изнывая от духоты, когда мать, переодевшаяся в новый сарафан, купленный специально для поездки, позвала её на третий этаж дома. Мать велела ей одеться, Кристине пришлось подчиниться.

На крыше дома Мукс установил гриль под открытым небом и готовил на нём ужин.

— Хорошая будет зона отдыха, — сказал отец, успевший переодеться в шорты и новую рубашку без рукавов. Он пил пиво из стеклянной бутылки, усевшись на один из двух пластиковых стульев синего цвета.

— Да, когда закончу ремонт, — ответил Мукс, переворачивая дымящуюся рыбку железной лопаткой.

— У тебя всё получается? — спросила мать, обращаясь к Муксу, и Кристина задумалась над тем, о чём вообще идёт речь. О его приготовлении рыбы или о ремонте?

Мукс пожал плечами. Неуверенный жест, который всегда вызывал у Кристины недоумение. Если ты взрослый парень, то и води себя соответствующе, так она считала. Не мямли, отвечай с высоко поднятой головой. Даже если у тебя проблемы. Даже если ты не знаешь, как тебе быть. Выглядел Мукс как сыночка-корзиночка, но вёл себя как настоящий абьюзер. Кристина решила поднять эту тему.

— Как там поживает твоя бывшая? Радует, наверное, что избавилась от тебя, а?

— Кристина! — завопила мать и смерила её взглядом. — Нельзя такого говорить брату.

— Почему нет? Он ведь пытался ударить её головой об стол, разве нет?

Отец поперхнулся пивом. Мукс хотел было постучать отцу по спине, но тот отмахнулся от него.

— Что-о? — спросил отец, вытирая рот.

— Так вы не в курсе? Это произошло на глазах у их общих друзей. Многие это видели. Глаза матери округлились. В них поселилась вселенская печаль.

— Сынок? Это... правда?

Мукс смотрел на Кристину так, точно не раздумывая бросил бы сестру на гриль.

— А ну заткнись! — шикнул Мукс, подходя к сестре и сжимая лопатку для гриля так, что побелели костяшки пальцев.

— Ответь матери, сынок, — сказал отец, не скрывая разочарования.

Мукс замер на месте, сделав всего пару шагов. Он смотрел себе под ноги, и, по мнению Кристины, скорее блеял, чем говорил:

— Нет, я... Не совсем... Там не так всё было. Она напилась и первая на меня замахнулась...

Мать охнула и прижала руки к груди, так что бокал с красным вином, который она пила, расплескался ей на сарафан. Отец схватил салфетки с импровизированного столика, который сделали из ящиков с инструментами, и подскочил к ней. Пока отец оттирал пятно, мать охала и ахала, часто дыша.

Кристина наблюдала за ними с довольной улыбкой.

— Теперь он не такой идеальный, да, мама? Вот вам правда, про вашего милого сыночка. Напивается и бьёт девушек, а потом сбегает за тысячи километров под предлогом делать ремонт.

— Заткнись! Закрой свой рот, — сказал Мукс, как отрезал, тряся перед носом Кристины железной лопаткой. В глазах его читалась неприкрытая ярость.

— А то что? — спросила она, делая шаг ему навстречу. — Что ты сделаешь? Ударишь меня? Трус жалкий.

— Хватит, — сказал отец, как отрезал. И все замолчали. — Кристина, иди к себе в комнату. Сын, оставайся здесь. Нам нужно поговорить.

Скорчив обиженную мордочку, Кристина сказала:

— Почему я, папа? Это не я бью людей!

— Быстро. К себе. В комнату.

— Хрен вам всем, — сказала Кристина, готовая заплакать от обиды, но слёзы не шли.

Вот и хорошо. Не хватало, чтобы кто-то видел её в таком состоянии. Меньше всего она хотела оказаться похожей на свою мать. И добавила непоколебимым тоном:

— Я иду на пляж.

— Нет. Ты останешься дома, — ответил отец, но судя по тому, как дрогнул его голос, он сам не был уверен, что дочь слушает его.

Отец как раз выводил мать на лестницу: вид у матери был совсем понурый, будто ей в душу насрали, подумала Кристина. Но она не чувствовала вины. Считала, что поступила правильно. Родителям давно следовало узнать, каков их сынок на самом деле. Чтобы прекратить превозносить его, ставить в пример. Как ребёнка надёжного и покладистого.

— Не дури, — сказал Мукс. — Ты даже не знаешь, куда идти.

— А что тут знать, идиот? — ответила Кристина, разводя руками. — Море в той стороне. Видно же!

Кристина указала на море, которое расстиралось по всему горизонту и располагалось вдалеке за проезжей частью.

— Я хотел сказать, как ты найдёшь дорогу обратно? В этом районе все дома одинаковые.

— А тебе не наплевать, а? Счастливо оставаться.

Обойдя производителей, так и оставшихся стоять на лестнице, Кристина сбежала вниз, преследуемая словами матери:

— Мы запрещаем тебе уходить, Кристина! Я запрещаю тебе...

Но всё, что сделала Кристина в ответ на этот запрет, — лишь ускорила.

* * *

Схватив свой рюкзачок и бросив на плечо полотенце, Кристина вышла на улицу и поймала себя на мысли, что понятия не имеет, куда ей следует идти. Прикрывшись от солнца ладонью, как козырьком, посмотрела на крышу дома: там дымился гриль, но никого из членов семьи наверху не было. Вспомнила, как смотрела на море, стоя там, и двинулась в том направлении, которое считала наиболее верным.

Она шла по дороге, петляя между такими же (Мукс не наврал) домами, отличавшимися лишь тем, что они были заселены жильцами. Пока она шла, мысли кружились у неё в голове. Она была на взводе и не считала, что поступила неправильно. Девушка Мукса нравилась ей с тех пор, как они познакомились. Мукс приезжал с ней в конце зимы в Сухое Дно. Всего раз, но этого хватило, чтобы Кристина прониклась к ней симпатией.

Эта девушка была похожа на неё, хотя внешне они сильно отличались. Кристина, худая и высокая, с плоской грудью. А девушка Мукса (первая, которую он решил представить семье, но Кристина подозревала, что она и вовсе была ПЕРВОЙ девушкой брата) была низкой и обладала лишним весом: когда она садилась за стол, то её гигантская грудь чуть ли не падала в тарелку. Более того, общалась она, эта девушка, как настоящая колхозница (то, чего Кристина всегда не выносила в людях). Могла рыгнуть за обедом или рассмеяться так громко, по-мужски, что другие оставались в недоумении.

Тем не менее, они сблизились, потому что у них был схожий вкус на сериалы и музыку, но главное: Кристине импонировало то, какой смелой и свободной в общении была эта девушка. Опьянев в вечер знакомства, она рассказала Кристине, что Мукс долгое время бегал за ней. И однажды они сильно напились, так что Мукс пристал к ней, но она была слишком пьяна, чтобы продолжать поцелуи. Всё закончилось тем, что её стошнило на Мукса. Она сказала, что таким образом «пометила его». Позже Кристина неоднократно напоминала об этом брату, называя его «помеченным», чем выводила его из себя.

Спустя время Кристина стала переписываться с девушкой брата, а позже и вовсе созваниваться. И вот в один из таких дней девушка позвонила в слезах, но не расстроенная, а злая. Сказала, что на вечеринке, где собрались десятки людей (дело было за городом на базе отдыха), Мукс напился, они повздорили, и старший брат Кристины схватил девушку, пытаясь ударить

головой об стол. Кто был виноват в этой истории, Кристина так и не разобралась. Считала, что оба хороши: они стоили друг друга. Но после этого друзья Мукса стали избегать его, а позже он попал под сокращение на заводе и уехал ремонтировать этот дом на курорте.

Кристина шагала по проезжей части, спускаясь с холма, мимо проезжали машины и мотоциклы. Пыталась проанализировать свою реакцию на крыше дома. И была ли это вообще реакция хоть на что-то. С чего она так завелась? Может, из-за того, что и вовсе не хотела никуда ехать?

Солнце опускалось за горизонт. Ветер раскачивал кустарники и пальмы, которые стояли тут повсюду.

Размышляя об этом, она шагала вниз с холма. Скорее всего, решила Кристина, дело было в том, что вскоре после этого инцидента девушка Мукса перестала общаться с ней. Выходило, что брат отобрал у неё подругу. Ту, с кем она могла делиться своими переживаниями, болтать по вечерам. Кому было не наплевать на Кристину. Она скучала по этой девушке настолько, что даже боялась произносить её имя: оно резало слух и напоминало о том, чего брат лишил её.

Именно она надоумила Кристину сделать татуировку на шее. «Главное, выбрать подходящее слово, которое характеризует тебя целиком и полностью», — сказала она. Что Кристина и сделала.

* * *

Один из мотоциклистов остановился возле Кристины, снял шлем и спросил, не подвезти ли её.

— Я иду к морю. Ты знаешь, где оно?

— Море здесь повсюду, — ответил молодой человек, одетый в кожаную куртку и ботинки (и это в такую жару).

— Какой остряк, — ответила она и пошла дальше.

Он покатил за ней, оправдываясь:

— Из-за домов не всегда видно, но да. Я могу тебя подбросить.

Кристина задумалась. Её импульсивное решение добраться до моря начинало казаться детской глупостью. Выходкой, не стоившей потраченных сил и времени. Мелькнула мысль, что можно и вовсе вернуться. Обернувшись, не увидела дома, из которого вышла. Все дома вокруг были похожи друг на друга. Большие и маленькие, но частные (совсем не такие, как в Сухом Дне, из которого она никогда прежде не уезжала), все люди ходили в шортах и шлёпках. Какие-то девушки и вовсе разгуливали босиком, одетые в тоненькие купальники: на их фоне её купальник, скрытый под одеждой, можно было считать рыцарскими доспехами.

Если бы её мать увидела этих полуголых девушек на улице, с ума сошла бы.

Решение пришло само собой.

— Боишься, что ли? — спросил мотоциклист таким тоном, словно в этом было что-то ззорное.

— Ничего и никогда.

Она запрыгнула на мотоцикл, обхватила водителя обеими руками, надеясь про себя, что он не окажется извращенцем, и мотоцикл, рыча, покатил по дороге, минуя дома и машины.

Мотоциклист не обманул и доставил её к пляжу. Кристина слезла с мотоцикла на причале, с которого люди, разбегаясь, прыгали в воду. Но парень, привёзший её, не спешил уходить. Заглушив двигатель, он поставил мотоцикл на подножку.

— Искупаемся? — спросил он и собирался взять её за руку, когда Кристина отстранилась от него.

— Может, позже? Мне пока не хочется.

— Как знаешь, — ответил он и, потеряв интерес к ней, разделся.

Кристина решила не испытывать судьбу и направилась сразу к морю. Несколько раз обернулась, наблюдая, как этот же парень, но уже раздетый, в одних только плавках, разбегается по причалу и ныряет в воду головой вперёд с вытянутыми руками.

Со стороны причала не затихал плеск воды. Недалеко от берега на волнах качались несколько десятков людей. Смех отдыхающих успокаивал. В солёном воздухе пахло жареной картошкой и сосисками. В животе у Кристины заурчало, и она подошла к фургончику с уличной едой. Взяла сосиску в тесте и бутылку воды, расплатилась наличкой из рюкзака. Прошла по песку туда, где людей было меньше всего. Расстелила полотенце, проклиная себя, что не взяла покрывало, и села. Сняла сандалии, погрузила ноги в тёплый песок: он приятно щекотал кожу.

Кристина смотрела на море как на что-то иррациональное, существующее отдельно от её мира: Сухого Дна и всего с ним связанного. Необъятная водная гладь, беспокойная и тёмная, манила и настораживала одновременно.

Кристина как раз доедала сосиску, когда вернулся мотоциклист. Не узнала его без куртки и ботинок.

— Присяду или тут занято?

— Занято. Моим парнем.

— Что? Я...

Он растерялся и огляделся, с его длинных волос капала вода.

— Шутка. Садись.

Кристина подвинулась, и он сел на краешек полотенца рядом с ней. Протянула ему воду, но парень помотал головой, отчего брызги с его волос полетели во все стороны.

— Так у тебя есть парень?

— А тебе что?

Он сидел, сложив руки на коленях, и смотрел на Кристину, наклонив голову, будто изучал её. Или любовался ей.

— Да. Парень есть. Но он дома.

— А это где?

Кристина рассказала ему о Сухом Дне. И о парне, которого не было. О Резнике.

Он выслушал. И на этом всё. Не сказал ни слова о себе.

Ей захотелось, чтобы он ушёл. Но мотоциклист продолжал сидеть.

— А что у тебя с тенью? — спросил парень, и вопрос этот был самым неожиданным из всех, что он мог задать.

— Что не так?

— Её... нет? — это прозвучало как вопрос.

Кристина посмотрела на него, как на психа. Но потом перевела взгляд на его спину и увидела, что позади него, немного сбоку, ложась на песок, виднелась его тень.

Кристина покрутилась вокруг себя, словно на неё сел шмель, пытаясь поймать свою тень, обнаружить её. Но ничего не увидела.

— Сфотографируй меня, — сказала она парню и протянула ему свой телефон, включив камеру.

Парень поднялся, отошёл к морю и сфотографировал. Потом вернулся, передал телефон Кристине. Приблизив снимок, она поняла, что он прав.

— Это... странно, — сказал парень, и впервые с момента их разговора Кристина уловила неподдельный интерес к ней в его голосе.

— Наверное, солнце светит для всех по-разному, — ответила она, пожимая плечами, не зная, что ещё сказать.

Тогда Кристина сняла смарт-часы, засунула их в рюкзачок к телефону, кошельку и прочему. Поднялась, стянула джинсовые шорты и чёрный топик, бросила их на рюкзачок. Разув-

пшись, оставила кожаные сандалии на песке рядом с расстеленным полотенцем, и направилась к воде, одетая в купальник, который её мать посчитала слишком открытым.

Уверенная, что парень пойдёт за ней, но он не пошевелился, глядя ей вслед. Станный. Она мысленно пожелала, чтобы он пропал, когда она вернётся.

Кристина зашла в тёплую воду и, пройдя несколько метров по дну, ступая осторожно, чтобы не поранить ноги, нырнула. Плавая под водой с закрытыми глазами, она почувствовала, что все тревоги уходят. Если бы она могла, то навсегда осталась бы здесь. Но воздух заканчивался, и Кристина вынырнула. Протерев глаза, она осталась качаться на волнах, работая только ногами. Посмотрела в сторону берега и сообразила, что отплыла на значительное расстояние.

Тем временем мотоциклист, который подвёз Кристину, копошился в её вещах.

* * *

— Эй! Какого хрена ты творишь!

Парень никак не отреагировал на её крик. Он быстро перебирал вещи, которые вывалил из её рюкзака на полотенце. Кристина рванула к нему, рассекая воду руками так быстро, как только могла. Старалась не выпускать его из виду, но солёная вода щипала глаза, так что то и дело приходилось отводить взгляд.

Кристина перешла на кроль и ускорила. Плавала она хорошо, но сама не подозревала, насколько именно. Море вытолкнуло её на берег, и как только она нащупала под собой дно, оттолкнулась ногами и побежала к тому месту, где оставила свои вещи.

Парня уже не было. Он бежал к мотоциклу.

Кристина думала собрать то небольшое, что осталось, но на песке лежали полотенце, одежда и обувь. Рюкзачок пропал вместе с содержимым.

— Вот же мудака!

Она наскоро оделась, схватила полотенце и побежала за ним. Дыхание перехватывало. Спустя мгновение парень завёл двигатель и, развернув мотоцикл, укатил прочь.

Кристина осталась стоять на причале, согнувшись пополам и уперев руки в колени: прожоя его взглядом, она никак не могла отдышаться.

* * *

Смеркалось. Кристина возвращалась домой, не зная дороги. Шла дворами, напоминая себе, что, когда она стояла на крыше дома, море было слева от неё. Значит, сейчас ей следовало двигаться так, чтобы море было у неё за спиной.

Позвонить производителям не могла, телефон и часы пропали. Адрес дома, в котором они остановились, она не знала. Кристина решила, что после такого производители точно устроят ей взбучку: мать, тревожная по природе, не простит ей этого.

Время есть. Если до темноты не вернётся домой, то просто обратится к полицейским, которые, правда, ещё не встречались ей.

Кристина вышла на пешеходную улицу, по которой гуляли люди. Беспечные и загорелые. На террасах и верандах, располагавшихся здесь в бесчётном количестве, играла музыка. Люди смеялись, люди выпивали. Какая-то парочка средних лет танцевала возле одного из таких заведений. Она подошла к ним, чтобы попросить у них телефон: позвонить производителям. Но тут же ретировалась, сообразив, что не знает наизусть номера телефонов ни отца, ни матери. Более того, она не собиралась признаваться, что потерялась.

Кристина двинулась к площади. На ней красовались фонтаны: гигантские струи воды вздымались к небу, осыпая людей холодными брызгами. Обогнув площадь, прошла квартал или два, и вышла... обратно к морю.

— Нет. Только не это.

Всё это время она ходила кругами.

Вспомнив, как смеялась над геодезистами и ландшафтными дизайнерами, испытала отчаяние. Вот они наверняка смогли бы сориентироваться на местности.

И тогда впервые захотела домой, к семье. Плевать куда: в Сухое Дно или в этот неотремонтированный грязный дом. Главное, оказаться рядом с ними.

Кристина прошла по причалу, с которого нырнул тот мотоциклист-урод, когда привёз её сюда (это меньшее из ругательств, которыми она обзывала его про себя). Людей на причале не было. Солнце село, начинало холодать. Купальник на ней не высох, но джинсовые шорты, топик и сандалии до сих пор были в песке. Она так спешила догнать мотоциклиста, а потом найти дорогу к дому, что не обратила на это внимания.

Отряхиваясь, она услышала тихий плач, похожий на детский.

* * *

Кристина сообразила, что звук идёт с обратной стороны причала. Перегнувшись через перила, увидела маленького мальчика. Точнее, фигуру ростом с ребёнка. Он сидел возле песочницы спиной к Кристине. На голове у него был капюшон.

— Эй, малыш? Что такое? Ты потерялся?

— Нет, — ответил он неестественным голосом. Он был булькающим, как у больного. Кристина решила, что с мальчиком что-то не так. Возможно, проблемы со здоровьем или он напуган тем, что тоже потерялся.

— А я вот потерялась, — ответила она, надеясь растормошить его и немного успокоить. Но он не реагировал. Продолжал сидеть спиной к ней и плакать. — Кто тебя расстроил?

— Я потерял машинку, — ответил он всё тем же голосом.

С моря подул порыв ветра. Тёплый, как раз по сезону. Мальчишка не обернулся.

— Ну, что ты? Не страшно! Родители купят тебе другую, да?

В ответ на это плач усилился.

Кристина вздохнула. Огляделась по сторонам. Вот бы пришли его родители и увели отсюда. А заодно подсказали бы ей дорогу.

Но людей нигде не было.

— Помнишь, где ты её оставил?

— Здесь. Я закопал её.

Не поворачиваясь, мальчик указал рукой с маленькими скрюченными пальцами на песочницу. Кристина присмотрелась. Песочница выглядела импровизированной и располагалась метрах в пятидесяти от воды.

Словно кто-то сгрёб кучу песка и огородил её треснувшими досками.

— Ты хорошо искал?

— Угу, — ответил он, хныкая. И спросил: — Поищешь со мной?

Кристине совершенно не хотелось копаться в песке с ребёнком, которого она не знала. Не тогда, когда ей самой нужна была помощь.

— А где твои родители?

— Не знаю, — ответил он. Голос его настораживал. Он был не таким, каким бывает голос у детей.

— Лучше дождись их, хорошо?

Кристина направилась прочь с причала, не оглядываясь.

И тогда мальчик в капюшоне сказал то, что заставило её остановиться:

— Твои вещи тоже здесь.

Кристина замерла на месте. Была уже на середине причала. Ещё столько же шагов — и я буду вне поля зрения этого жуткого мальчишки. А что потом? Куда ей идти?

Вместо того чтобы уйти, она обернулась и спросила:

— Что, прости?

— Тот, кто забрал твой рюкзак. Он закопал его здесь.

— Ты видел, как кто-то зарывает рюкзак, и не остановил его?

Кристина подумала, что это, наверное, самый глупый вопрос, который она задавала в жизни. Как ребёнок справился бы со взрослым парнем?

— Я хотела сказать другое, — поспешила объяснить она. — Ты уверен, что он оставил его здесь?

— Да. Я видел, как он стащил его у тебя. А потом сел на мотоцикл и уехал. Ты гналась за ним, потом ушла. Позже он вернулся и закопал рюкзак здесь. Сказал, что это будет наша тайна, и если я никому не скажу, то он купит мне сахарную вату.

Всё-таки нужно найти полицейского, пришла мысль. Чтобы вернуться домой. Он поможет разобраться.

А как быть с мальчиком? Не оставлять же его здесь одного. Плачущего.

Кристина предприняла последнюю попытку отмахнуться от него и спросила, каким был рюкзак. К её удивлению, мальчик описал его точно так, как он выглядел.

Что за бред. Зачем грабить её, а потом зарывать вещи в песок? Даже если так, то нет никаких гарантий, что рюкзак принадлежит ей. Мотоциклист провернул всё так, будто делал это по сто раз на дню. Но даже если вещи её, откуда уверенность, что телефон или часы ещё там? Именно они требовались ей как никогда прежде. Чтобы связаться с производителями. А их грабитель наверняка забрал бы с собой. Как и деньги, до которых ей сейчас не было дела.

— Помоги мне, прошу! — сказал мальчик и заплакал.

Кристина вспомнила, как отец брал её с Муксом на рыбалку. Ничего не поймала, но отец с сыном провели время с удовольствием. Это было в Сухом Дне. Недалеко от обрыва, на котором годом ранее ребёнка толкнула его же собака, так что тот упал в воду и утонул. Так вот, в тот день каждый раз, закидывая удочку, Кристина слышала, как поплавок погружается в реку с плюхающимся звуком.

Плач мальчика чем-то напоминал тот звук.

Кристина в последний раз поискала глазами людей, но пляж оставался пустым.

Она решила, что угрозы быть не может. Не от ребёнка точно.

Переминаясь с ноги на ногу, Кристина ответила, сама не веря тому, что произносит это:

— Оставайся там. Я иду к тебе.

* * *

Она обошла причал и стала приближаться к мальчику. Теперь он сидел не спиной к ней, а боком. Он всё так же не шевелился, и уже не разговаривал.

Кристина приблизилась к песочнице, сосредоточенная на каждом своём шаге.

С этой стороны причала песка было больше, словно ветер долгое время дул с одной стороны. Он доходил ей до щиколоток. Кристина шла, смотря то на мальчика в капюшоне, то на море: волны, отражаясь в лунном свете, бились о берег.

Остановившись возле песочницы в форме ромба, она сказала мальчику, который не переставал хныкать:

— Не мог бы указать, где именно он зарыл мой рюкзак?

Впервые за весь их диалог мальчик поднялся и, не показывая своего лица, подошёл к песочнице. Он указал рукой в самый центр ромба.

— Ладно. Отойди немного.

Он пожал плечами, как будто говоря, как угодно, и отошёл к воде, где остался стоять лицом к морю.

Кристина перешагнула через доски, ограждавшие песочницу, присела и стала рыть песок руками. Песок был не таким, как на остальной части берега. Тяжёлый и вязкий, он лип к пальцам и забивался под ногти.

— Я не вижу его, — сказала она, теряя терпение и думая, что всё это было ошибкой. Не стоило соглашаться. Как не стоило уходить из дома.

— Он там. Просто копай.

Что, если мальчик разыгрывал её? В сгущающихся сумерках она сосредоточенно копала, краем глаза следя за мальчиком: он не двигался, стоя у моря. Так продолжалось, пока она не задела ногтями что-то твёрдое. Показался красный пластик. Она подцепила его пальцами, потянула и... вытащила пластиковый самосвал. Эта находка усыпила её бдительность.

— Вот твоя машинка! — сказала Кристина, не в силах сдержать восторга и оборачиваясь к мальчику, полагая, что следующим делом найдёт свой рюкзак.

И тогда она увидела перед собой не мальчика. И не ребёнка.

Лицом к ней стояло низкое горбатое существо в красной накидке с капюшоном на голове. С лицом, не поддающимся описанию, но на котором отчётливо выделялся длинный крючковатый нос.

Горло сдавило, когда она попыталась закричать. Наружу вырвался лишь стон.

— Оставь это себе, — сказала существо, голос которого звучал уже естественнее, не так натянуто, как прежде, но остался таким же булькающим.

Мозг Кристины отказывался воспринимать происходящее. Она застыла, сидя в песочнице с зажатым в руке самосвалом, когда существо, издав нечеловеческий вопль, подпрыгнуло к ней. Толкнуло Кристину в грудь, так что она упала на спину, ударившись поясницей о деревянное ограждение песочницы.

Машинку она выронила: та отлетела в другой угол песочницы.

Кристина обнаружила, что лежит на песке, растянувшись. Она тонула в песке. Проваливалась в него. Будто что-то из-под песка тянуло её за собой. Её засасывало, пока она хваталась за песок руками с неистовством тонущего.

Прежде чем она успела открыть рот, чтобы закричать снова, мир — известный ей, привычный мир — исчез.

Последнее, что она увидела: как существо в капюшоне, так ловко обманувшее её, машет маленькой ручкой со скрюченными пальцами, пока лицо Кристины погружается в песок.

3

Её похоронили заживо. Таким было первое ощущение.

Вот песочница на пляже поглотила её, так что она едва успела вдохнуть свежий морской воздух. А вот она уже лежала на выжженной земле, задыхаясь от гари и копоти. Сделав глубокий вдох, она закашляла: в воздухе кружил пепел. Пахло затхлостью и испражнениями. Кристина перевернулась и, стоя на четвереньках, медленно поползла вперёд, не зная куда, видя перед собой лишь свои дрожащие руки, упираясь в твёрдую, разгорячённую поверхность потрескавшейся земли.

Подняв глаза, увидела перед собой бескрайние просторы: пейзаж цвета красной глины. Слева от неё на расстоянии примерно километра виднелось высокое и узкое, похожее на конус здание, уходившее в кроваво-пепельное небо и выдолбленное в камне. Башня в камне, подумала она, на окнах которой стояли решётки: в них виднелись люди или их силуэты. В решётку одного из окон впились обугленные руки: они трясли решётку, но та не поддавалась.

Справа от Кристины пузырилось бордово-зелёное болото: судя по виду, оно кипело, над ним поднимался пар, а на поверхности плавали человеческие тела с вываленными наружу обваренными внутренностями.

— Нет, нет, — прошептала Кристина, и звук собственного голоса утонул в крике боли и отчаяния, который разразился со стороны Башни из камня.

Поднявшись на ноги, споткнулась на ровном месте и упала снова. Спина ныла в пояснице: вспомнила, что, падая в песочницу, ударилась об ограждавшие её доски. Теперь это стало меньшей из проблем.

Какого хрена, это не может быть правдой. Наверное, я сплю, думала Кристина. На пляже. Или дома. Да, наверняка я и вовсе не покидала дом. Не ссорилась с семьёй...

Семья. Мысль о родных наполнила грудь горечью. Губы задрожали.

Теперь она смотрела прямо перед собой. На неё надвигались двое горбатых существ в красных накидках с капюшонами на головах и длинными крючковатыми носами, похожими на маски. Ростом они были с детей. И оба были похожи на того мальчика, которому она пыталась помочь на пляже...

Мальчик. Пляж. Она искала сумку и нашла пластиковый самосвал.

Кристина пошарила взглядом и нашла игрушку поодаль от того места, где очнулась. На выжженной земле. Схватила её и протянула этим двоим существам, которые были уже совсем рядом.

— Вот, забирайте! Это его! Это ваше!

Кристина поставила машину на землю и толкнула в направлении существ. Колёса самосвала закрутились, он поехал по неровной земле, покачиваясь, и, когда достиг существ в капюшонах, один из них прыгнул и приземлился на машинку. Та развалилась на части с характерным звуком лопающегося пластика. Одно колёсико игрушки отлетело в сторону и застряло в трещине в земле.

Она обернулась, посмотрела на то место, откуда пришла. Такая же песочница, как и на пляже, с ограждением из трухлявых досок. Она попятилась к песочнице, не сводя глаз с приближающихся фигур в капюшонах.

Один из них достал из-за пояса какие-то сложенные верёвки кроваво-красного цвета. Стал расправлять и растягивать их, хихикая. Размотав верёвки, раскрутил их над головой.

Поняв, что сейчас произойдёт, Кристина, развернулась и прыгнула в песочницу. Рыла руками песок: тот был горячим и обжигал пальцы.

Она не обращала внимания, пока песок не начал засасывать её. Это вызвало произвольную, почти безумную улыбку.

— Да! Тяни меня отсюда!

Вот она, свобода.

А потом на неё что-то набросили и, дёрнув, так что она упала, скованная по рукам и ногам, потянули. Она оказалась зажатой со всех сторон, как в коконе, пока её тащили по земле. Попыталась вырваться, но руки оказались плотно прижаты к ногам, а ноги к животу: она лежала в позе эмбриона.

Существа в капюшонах держали сетку с двух сторон и не обращали на Кристину никакого внимания. Они переговаривались между собой, общаясь исключительно булькающими звуками. Ничего человеческого в их речи не было.

Она сосредоточила блуждающий, напуганный взгляд на том, во что её заключили. Сетка, которой её обездвижили, была у неё перед глазами. Плотная, связанная из сухожилий. Кристина помнила, как выглядели сухожилия человека из учебника по биологии. Осознав это, она закричала, что было сил.

Дышать становилось всё труднее, лёгкие сдавило: они работали на износ. Кристина подумала о матери, которая сейчас, вероятнее всего, места себе не находит, пытаясь отыскать её где-то в районе моря. Но мысль о матери была скорее сном, абстракцией и оазисом посреди этого мёртвого, безумного мира.

Появилось чувство, что разум её раскололи надвое. Одна половина осталась на пляже, а вторую бросили сюда, как камень в воду.

Эти уроды волокут меня к Башне из камня, и на этой мысли, обессилив окончательно, потеряла сознание.

* * *

Кристина пришла в себя, полагая, что всё было сном. Кошмаром, который обрушился на неё из-за усталости и стресса. Она провела в дороге более двух с половиной дней. Плавая в море, выбилась из сил. Её ограбили, и она потерялась в чужом городе. И где-то на этой мысли к Кристине стали возвращаться все остальные воспоминания.

Она открыла глаза и обнаружила себя лежащей на сыром каменном полу в комнате размером с чулан. В комнате не было света, она освещалась через зарешёченное круглое окно: тот свет, что пробивался сюда, был тёмно-красным, как от костра, но его хватало, чтобы разглядеть, что мебели в комнате не было.

По тому, что небо за окном никак не изменилось, Кристина решила, что провела без сознания не больше получаса. Она осмотрелась.

Такие же, как и пол, стены покрывали царапины. Она заметила между камнями в стене торчащий ноготь с запёкшейся кровью и отшатнулась.

Прижавшись спиной к стене, она боролась с дрожью во всём теле. Грудь вздымалась вверх-вниз, как вакуумный насос. Держась за голову, Кристина сползла по стене и села на пол. Одежда на ней, сандалии, шорты и топик, выглядели подобающе тому, что её протащили по твёрдой земле.

Одна из стен распахнулась, впуслав внутрь яркий свет от факела. Свет ослепил её. Щурясь, она отвернулась. Потом, глядя исподтишка на того, кто вошёл к ней, сообразила, что открылась дверь, которая вела из комнаты в коридор.

— Кто ты? Где я? Что происходит...

— Молчать! — скомандовал голос непоколебимым тоном, такой же булькающий, как и тот, что принадлежал мальчику на пляже. В ярко-жёлтом огне факела Кристина увидела, что перед ней одно из тех горбатых существ с длинным крючковатым носом.

Существо подошло к ней, наклонило голову и провело маленькой скрюченной рукой по волосам Кристины. Её передёрнуло от этого касания. Она сильнее прижалась к стене, будто надеялась пройти через неё.

— Не трогай меня, прошу, — сказала она, слыша дрожь в собственном голосе.

— Тебе повезло. Тебя выбрали. За тобой прибыли.

Кристина не нашла в себе силы выйти из каменной комнаты. Её парализовало. Ноги не слушались. Рыча, существо в красной накидке поднесло факел к её лицу. Кристина вовремя увернулась, но её щёку обдало жаром.

Поплелась к двери, с таким трудом переставляя ноги, будто к ним привязали гири.

Коснувшись голого плеча Кристины маленькой рукой, существо вытолкнуло её в коридор. Захотелось закричать, чтобы он не прикасался к ней, но не нашла сил открыть рот: сухие губы слиплись, язык не шевелился.

Страх парализовывал.

Оказавшись за пределами комнаты (камеры, это же камера узника, боже мой, подумала она), Кристина увидела по обе стороны от себя длинный, практически бесконечный коридор, стены которого были сложены из такого же покрытого плесенью камня. Пахло сыростью.

На стенах с одинаковым интервалом были закреплены зажженные факелы.

Это невозможно. Если это место, та Башня из камня, которую она видела, то внутри всё должно быть иначе. Никаких коридоров здесь быть не может. Снаружи Башня из камня выглядела узкой и высокой, а здесь всё наоборот.

Существо вышло за ней, неся перед собой факел. Мысли у Кристины путались, но ей хватило секунды, чтобы принять решение. Даже быстрее, чем она сама сумела сообразить, что делает.

Она пнула существо в живот, точнее, метила она именно туда, но попала ему в шею, так как не учла его рост. Существо завопило, схватилось свободной от факела рукой за шею, и тогда Кристина сложила руку в кулак и, что было сил, ударила его по длинному носу. Боль, которая пронзила руку Кристины, была такой, как будто били её, а не она. Горбатое существо оступилось, выронило факел и приложило уродливую руку к носу, из которого хлынула жёлтая жидкость. Оно попятилось назад. Решив, что её шанс, Кристина нагнулась, чтобы поднять факел, но существо в капюшоне запрыгнуло на неё. Сидя у неё на спине и клоня её своим весом к полу, оно вцепилось ей в лицо маленькими пальцами, которые оказались липкими и скользкими.

Закрутившись на месте в попытке сбросить существо с себя, она быстро сообразила, что это бесполезно. Сдавшись, со всей силы ударилась спиной о стену камеры. У неё перехватило дыхание, но оно того стоило. Существо сползло с неё и оказалось в комнате (камере, это камера, повторяла она про себя).

Схватившись обеими руками за каменную дверь, открывавшуюся внутрь, она потянула её на себя. Она не знала, сколько сил нужно приложить, чтобы закрыть её, и удивилась, когда дверь, с виду тяжёлая и громоздкая, поддалась с первого раза. Кристина едва не прищемила себе пальцы, но вовремя одёрнула руки.

Вопль существа смолк, теперь с той стороны не доносилось ни звука. Кристина подняла факел и осмотрела стену, где только что была дверь: та слилась со стеной. Рядом красовался ржавый металлический держатель для факела, похожий на подстаканник. Конкретно этот был пуст, тогда как другие такие же, установленные по всему коридору, были заполнены горевшими факелами.

Возможно ли, подумала она, что возле каждого из таких факелов находится спрятанная дверь, а за каждой из них — камера узника?

Навскидку факелов здесь были сотни.

— Боже мой, — прошептала она не в силах сдержать эмоции.

Озираясь по сторонам, Кристина соображала, куда ей пойти. Но быстро признала, что понятия не имеет, где выход.

* * *

Сначала Кристина продвигалась вперёд по коридору медленно, опасаясь, что встретит кого-то или что-то. Переживала, что скрытые в стенах двери внезапно откроются и наружу выскочат либо те уродливые горбатые существа, либо кто-то похуже. Она шла по коридору, а по бокам тянулись цепочки из зажжённых факелов. Выхода из коридора она не видела. Подошвы сандалий мерно стучали по каменной кладке, иногда она проводила рукой по стенам (таким же, как в камере, где она очнулась): просто чтобы убедиться, что всё вокруг реально.

Это не сон, думала она, я и правда хрен знает где. И эта мысль стала контрольной. Она ускорила шаг, а потом и вовсе побежала.

В результате выбилась из сил и остановилась посреди коридора, держа в одной руке факел и озираясь. Вероятно, выйдя из камеры, ей следовало идти в другую сторону. Но что-то внутри подсказывало: никакой разницы, итог был бы тем же.

Подумала об отце, который любил повторять фразу: чтобы что-то было, нужно что-то делать.

Отлично, пап. И что бы ты сделал на моём месте? Остался ждать в камере? Позволил этому существу отвести себя туда, куда оно собиралось.

...за тобой прибыли.

Мысль, что кто-то за стенами этого коридора ожидает её, парализовала: желание выбраться отсюда казалось естественным, как желание жить, но, оставаясь здесь, она была в безопасности (это иллюзия безопасности, не путай, сказала она себе), тогда как мир снаружи едва ли отличался дружелюбием.

Но и торчать здесь, прятаться в сыром и тёмном коридоре вечность она не могла.

Кристина попыталась сосредоточиться на дыхании. Вдох, выдох. Собралась с духом и, подойдя к одному из закреплённых на стене факелов, положила ладонь на холодную стену слева от него. Затем толкнула с нажимом, что было сил.

Каменная кладка сдвинулась со скрипом, а затем распахнулась внутрь камеры.

* * *

Тот, кого увидела Кристина, был человеком. Когда-то.

Безликое, полуголое и грязное тело сидело в камере, забившись в угол. Тонкая рука тянулась к зарешёченному окну, пальцы двигались, играясь с огненно-красным светом: тот пробивался через окно и полосками расстилался по камере.

— Уже... пора? — спросил силуэт, не глядя на неё. Голос его звучал как записанный на старую магнитофонную плёнку: шершавый и приглушённый.

— К-куда? — спросила Кристина, заикаясь, даже не стараясь контролировать свои эмоции.

Силуэт поднял голову. И тогда Кристина, визжа, поспешила закрыть дверь с обратной стороны.

У него нет лица, у него нет... лица...

Мир вокруг закружился. Все эти факелы на стенах. Горбатые существа в капюшонах. Бесконечный коридор из камня. Это не может быть правдой. Наверное, она заснула на пляже, и уже сейчас её разбудят либо полицейские, либо морские волны окатят тёплой водой с утренним приливом.

Кристину стошнило на дверь камеры, которую было не найти, если не знать, где искать.

* * *

Она прошлась по коридору. Факел у неё в руке потух. Кристина ни выбросила его, ни зажгла снова. Просто несла в руке, как что-то само собой разумеющееся.

Она остановилась возле очередного установленного в креплении на стене факела. Покачала головой, думая над тем, стоит ли это делать. Потом приложила усилие и толкнула стену: дверь из камня поддалась и открылась внутрь.

Тот же человек. Или нет? Он сидел не в углу, а под окном. Руки он вытянул перед собой, так что Кристина увидела его шрамированные запястья. Такой же стёртый силуэт, как и в камере до этого. Кристина решила, что это другой человек.

— Эй, — позвала она. Но он не реагировал. — Проснись, ну же!

Тогда Кристина, не спуская с него глаз, наклонилась и подняла с пола его камеры маленький камешек. Она бросила его в человека, сидевшего внутри, и он проснулся. По тому, как дёрнулись его плечи, нетрудно было догадаться, что она напугала его. Он поднял голову, лица у него не было, как и у первого. Словно его протащили по мостовой вниз головой. Кристина отвела взгляд в сторону.

— Ты слышишь меня? — спросила она.

— Д-да. Слышу, — ответил он почти таким же бесцветным голосом, какой был и у похожего на него человека-силуэта в другой камере.

— Ты знаешь, где здесь выход?

— Пора идти?

— Да. Нет. Как отсюда выйти?

— Нет. Выхода нет.

— Но... ты кто? Я Кристина. А ты?

— Не знаю. Помню, что был кем-то. Но не знаю, кем.

Казалось, он не говорил, а плевался словами.

— Давно ты здесь?

— А какое сейчас тысячелетие?

Кристина хотела ответить, но язык прилип к нёбу.

Он почесал голову, нащупал в волосах какого-то жука (Кристина такого не видела). Потом сделал то, от чего чуть её не вывернуло наизнанку снова.

Поймал жука двумя пальцами и засунул в узкую щель у себя на лице, которая, как полагала Кристина, была ртом.

Она поспешила закрыть дверь.

Пройдя ещё немного вперёд, она поняла, что обе двери, которые она открывала, располагались с одной стороны коридора. Вспоминая, с какой стороны была её камера, открыла следующую ту дверь, что располагалась с противоположной стороны.

В камере сидела девушка. Одета в рваное платье, похожее на мешок, с растрёпанными спутанными волосами. Девушка подняла глаза. И Кристина выдохнула с облегчением. Лицо девушки было на месте.

Кристина шагнула к ней в камеру, но девушка подскочила на ноги и вытолкнула её наружу.

— Эй! Ты чего?

— Уходи, — ответила девушка, сильно шепелявя и глотая буквы. И сама закрыла дверь изнутри.

Сбитая с толку, она выждала время и открыла дверь снова.

Девушка была на том же месте, что и прежде: сидела посреди камеры, обхватив согнутые колени руками, покрытыми струпьями.

— Привет, — сказала Кристина как можно нежнее, но голос дрогнул.

Девушка посмотрела на неё с интересом. Её глаза, глубокие и напуганные, наводили на мысли о том, что она не в себе, если не сказать безумна.

— Не плачь. Если будешь плакать, тебя убьют.

Кристина с трудом понимала, что говорила девушка.

— Кто? Я... Что?

— Гости Дома любят, когда мы плачем. Им нравятся наши страдания.

— О чём ты говоришь?

Разговор напомнил об одном зимнем дне, когда она пропустила школу из-за сильной простуды. Вернувшись, обнаружила, что весь класс обсуждает пройденный материал, пока она сидела, хлопая глазами и не понимая, о чём идёт речь.

Сейчас школа была такой же далёкой, как и космос.

— Тебя вывели прислужники?

— Н-навверное. Не знаю. Меня схватили существа в капюшонах.

Девушка кивнула. Улыбнулась, обнажая беззубый рот.

— Боже... — сказала Кристина, машинально прикрывая свой рот рукой.

— Делай то, что они говорят. Или страдай.

— Мне нужно выбраться. Где здесь выход?

— Даже если бы знала, не сказала бы. На поле небезопасно.

— О каком поле ты говоришь?

Девушка подняла руку и указала на окно в стене, из которого пробивался красный, почти алый свет.

— Выжженное поле. Ты на нём. Все мы. А здесь нас не обижают.

— Здесь, это в камере? В этой... тюрьме?

— Здесь лучше, чем там. Поверь.

Кристина не верила своим ушам. Казалось, ещё немного, и она сойдёт с ума.

Держаться, ты должна держаться. Чтобы что-то было, нужно что-то...

Дом. Девушка упомянула о Доме.

— Расскажи мне про Дом, так ты его назвала?

— Дом. С большой буквы. Если тебя вывел прислужник, значит, тебя ждут в Доме. Всё просто.

— Что за Дом?

— Дом с красной дверью. Там гостят разные. И для гостей это самое безопасное место на всём выжженном поле. Туда не суются. Но Дом не безопасен для девушек.

— Ты знаешь, где этот Дом? Сможешь меня отвести?

Девушка хихикнула, чем вызвала недоумение у Кристины.

— Если бы я посетила Дом, меня здесь не было бы. Из Дома не возвращаются.

Кристина пыталась понять услышанное, переварить это. Выходило с трудом.

— Ты знаешь, как выйти из этого места или нет? Где мы сейчас? Я видела Башню из камня, когда меня схватили эти существа. Мы в ней?

Девушка кивнула.

— Да. И вывести отсюда могут лишь прислужники.

— Но как? Коридор бесконечный. Посмотри сама.

Кристина отошла в сторону, пропуская девушку вперёд, полагая, что та выйдет. Вместо этого девушка принялась раскачиваться взад-вперёд, не глядя на Кристину.

— Я не выйду. Пока за мной не придут. Нельзя нарушать порядок.

— Коридор пуст. Здесь никого. Если ты боишься.

Девушка замерла. Подняла глаза на Кристину и посмотрела с прищуром.

— Никого, говоришь? — спросила она и кивнула в сторону двери. — А это, по-твоему, кто?

Кристина обернулась, увидела перед собой троих горбатых существ в красных накидках (прислужников, так их называют).

Они стояли в коридоре при свете факелов и держали в руках сеть из сухожилий.

Кристину схватили прежде, чем она успела хотя бы подумать о сопротивлении.

4

Она готова была поклясться, что никакого очевидного выхода из стен Башни из камня не было. Прислужники (теперь она называла их про себя именно так) тащили её по коридору, не сворачивая. Она видела всё ту же каменную стену, покрытую местами зелёной плесенью, всё те же пылавшие факелы. И вот уже потолок в коридоре сменился кроваво-красным небом, а стена — пустой равниной, покрытой выжженной землёй. Затхлость и духота ударили ей в лицо, она стала дышать чаще и глубже.

Остановившись, прислужники сбросили с неё сеть. Кристина, лежавшая в позе эмбриона, распрямилась. Перевернувшись на бок, увидела перед собой мужчину.

Обращаясь к прислужникам так, точно отчитывал внуков, он сказал:

— Ваши методы деспотичны. И излишни. Неужели нельзя было просто вывести девушку наружу? К чему было тащить её сюда в этих мерзких сетях, как на убой?

Прислужники переглянулись. Один из них, ничем не отличавшийся от других, сказал рассерженным булькающим голосом:

— Она сама виновата. Сбежала от нас. Это лишь меры предосторожности.

— Вот как? — ответил мужчина и перевёл взгляд на Кристину. — Я доставляю девушек в Дом уже... и не помню, сколько. Но впервые слышу, чтобы кто-то давал отпор этим... господам. Как вам это удалось, юная леди?

Кристина открыла рот, но не смогла найти слов, чтобы объяснить.

Улыбаясь, на неё смотрел пожилой мужчина в чёрном строгом фраке. Седовласый. С морщинами на лбу, в уголках глаз и рта. Он без конца вытирал лицо белым платком.

— Можете не отвечать. У вас шок. Но это не страшно. Горячая ванна и плотный ужин поправят дело. Обсудим всё в Доме. Вы готовы ехать?

— К-куда ехать? — спросила она, стараясь придать голосу твёрдость, но тот всё равно предательски дрогнул.

Спрятав платок в карман брюк, мужчина подал ей морщинистую руку. Она поднялась на ноги, не зная, чего от него ожидать. Настороженная.

— В Дом с красной дверью, милая. Мы едем в Дом с красной дверью.

Говоря это, мужчина улыбался так широко, как никто и никогда при ней.

* * *

Мужчина, одетый во фрак, представился.

— Меня зовут Поль. А как ваше имя?

— Кристина, — ответила она, шагая рядом с ним. — Мы идём... к тебе... домой?

Поль рассмеялся. Кристине понравился звук его смеха. Глубокий и добрый, как у старого надёжного дедушки.

— Нет, милая. Мы направляемся в Дом хозяина. Я работаю на него. Я дворецкий. И прошу заметить, что мы не идём. А едем.

Поль вёл её по выжженной земле, придерживая рукой за талию, но так, чтобы не касаться Кристины, готовый поймать её в случае, если она споткнется и упадёт.

Удаляясь от Башни из камня, она озиралась по сторонам. Всё вокруг наводило на мысли, что она находится на другой планете. Растительности не было, водоёмов и рек тоже. Растрескавшаяся земля под сандалиями дрожала. Небо над головой окрашивало мир в густые красные краски. Кристина увидела перед собой свалку из часов: сваленные в кучу часы всех видов и марок. От механических до цифровых. От ручных до тех, что размещали на башнях. Из некоторых торчали пружины, другие валялись без стрелок. Циферблаты пожелтели, кнопки на старых ручных часах-калькуляторах отвалились. Размеры этой горы часов составляли не меньше

футбольного поля. Одна из стрелок была настолько большой, что, повалившись на бок, напомнила Кристине Пизанскую башню, которую она видела лишь на картинках в Сети.

Где-то вдалеке раздались крики, похожие на людские, но Кристина не была уверена, что не спутала их с воем зверя. Чуть позже увидела стаю собак, похожих на борзых, только они были тощие, как будто зажатые в шкафу или в прессе. Кудрявые, с вытянутыми носами. Она насчитала пять или шесть собак. Все они направлялись к болоту, поверхность которого пузырилась и кипела.

— Время покинуло это место. Так что если у вас есть часы, не стесняйтесь, бросьте их к остальным, юная леди.

Кристина машинально потянулась к запястью, на котором носила смарт-часы. Но вспомнила, что их украл мотоциклист, пока она плавала. Теперь она думала об этом с тоской. Как будто это случилось не вчера и даже не с ней.

— Мои часы... пропали.

Белые кустистые брови дворецкого взметнулись. Поль остановился, смерил её взглядом, полным гнева, так что Кристина сжалась: если не внешне, то внутренне точно.

— Только не говорите, что прислужники обокрали вас?

— Нет... не думаю. Часы пропали ещё дома. То есть на море. Это... сложно.

Лицо Поля приобрело прежнее выражение благоговения. Он понимающе закивал, обходя свалку часов.

— Прислужники не должны красть. Их задача доставлять людей от порталов до того жуткого, бесчеловечного места, где вы были. Хотите секрет?

Кристина кивнула. Поль нагнулся и прошептал ей, так что она уловила исходивший от него запах женьшеня и лаванды:

— Я с превеликим удовольствием собрал бы всех этих прислужников в кучу, типа этой, и сжёг напалмом.

Кристина поморщилась. Но вовремя спохватившись, улыбнулась Полю так, будто и сама разделяла его соображения на этот счёт. Почему-то злить дворецкого казалось ей плохой идеей. Даже несмотря на его в целом дружелюбный вид.

Преодолев свалку часов и выйдя на очередную, лишённую жизни равнину, им открылся вид на чёрный катафалк, отполированный до блеска.

* * *

Дворецкий велел Кристине сесть на пассажирское кресло, а сам достал из внутреннего кармана своего фрака небольшой пузырёк из тёмного стекла и направился к капоту. Поль поднял капот, открутил крышку пузырька, и в руке у него оказалась пипетка: такой парфюмеры разливают духи по флаконам.

Поль капнул жидкостью из пипетки на двигатель, тот зашипел. Из-под капота повалил густой пар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.